

Саша Кругосветов

**Естественно-научные парадоксы
и нонсенсы в книгах Льюиса
Кэрролла и Умберто Эко**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

Кругосветов С.

Естественно-научные парадоксы и нонсенсы в книгах Льюиса Кэрролла и Умберто Эко / С. Кругосветов — «Эксмо», 2016

ISBN 978-5-04-013799-2

«...4 июня 1862 года. Эта дата навевает нам воспоминания о старой фотографии. Солнечный день, каникулы. Скромный диакон тридцати лет, преподаватель математики Оксфордского университета (колледж Крайст Черч), в окружении чинных девочек. Дякона зовут Чарльз Лютвидж Доджсон. С этой даты начинают свои статьи многие кэрроллоеды. Я не кэрроллоед, просто очень люблю книги этого писателя. И я решил, что не буду исключением и тоже начну именно с этой даты...»

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44 © Александер

ISBN 978-5-04-013799-2

© Кругосветов С., 2016

© Эксмо, 2016

Саша Кругосветов

Естественно-научные парадоксы и нонсенсы в книгах Льюиса Кэрролла и Умберто Эко

*Несколько слов о том, как знаменитые ученые мужи умели всю
жизнь оставаться детьми*

*Одинокая ферма, море пшеницы,
Где спозаранку ветер резвится.
Счастлив, кому довелось здесь родиться.*

Льюис Кэрролл

4 июня 1862 года. Эта дата навеивает нам воспоминания о старой фотографии. Солнечный день, каникулы. Скромный диакон тридцати лет, преподаватель математики Оксфордского университета (колледж Крайст Черч), в окружении чинных девочек. Дякона зовут Чарльз Лютвидж Доджсон. С этой даты начинают свои статьи многие кэрроллоеды. Я не кэрроллоед, просто очень люблю книги этого писателя. И я решил, что не буду исключением и тоже начну именно с этой даты.

Преподаватель небрежно чертит диковинные рисунки и рассказывает сказку, в которой все перевернуто вверх ногами. Она кажется нам более удивительной, чем буйные фантазии Ариосто о путешествии на Луну неистового Роланда и его гиппогрифа, чем приключения барона Мюнхгаузена и даже приключения Тартарена из Тараскона, которые появятся из-под пера Альфонса Доде несколько позже, в 1868 году.

Что же нового придумал этот скромный священнослужитель?

Начнем с того, что он заложил основы новой науки – математической логики. Но это, если пользоваться современной фразеологией, в рабочее время. А во время каникул? Когда он давал отдых своему уму, своему рассудку, своему здравому смыслу. Алиса в стране чудес, Алиса в Зазеркалье, Охота на Снарка, Сильви и Бруно. Английская писательница Виржиния Вульф пишет в своем эссе, посвященном книгам Льюиса Кэрролла: «Это – мир сна, но это и мир снов. Они возникают без всякого усилия; перед нашим внутренним взором чередой проходят Белый Кролик, Морж и Плотник; они кружат, превращаются друг в друга, прыгают и скользят. Вот почему обе книги об Алисе – книги не детские; это единственные книги, в которых мы становимся детьми».

Так что же все-таки нового в этих книгах?

Автор воспевае его величество «нонсенс». Нонсенс ради нонсенса. Парадокс ради парадокса. Неологизм ради неологизма. Оксюморон ради оксюморона. Катахреза ради катахрезы. Каламбур ради каламбура. Это можно сравнить с искусством для искусства. Главная идея этого невероятного, неповторимого Кэрролла: некоторые рассуждения могут существовать в полной пустоте в силу собственной безудержной дерзости.

Член ученого совета Крайста Черча, «Дома», как его называют преподаватели и студенты. Рациональный, трезвый, религиозный, придерживающийся традиционных моральных принципов Викторианской эпохи, принципов, которые невозможно поколебать. Он не давал себе воли и послаблений ни в морали, ни в общественной жизни, ни в философии. Истово верующий, он тем не менее не принимал христианский принцип: «И последние ста-

нут первыми, а первые – последними». Опутанный условностями, зажатый неколебимыми властью и законами, Чарльз Доджсон одним ударом разрубил путы разума. Как математик он понимал, что могут существовать системы, в которых «плюс» становится «минусом». Признавал иррациональность в математике, логике и словесности. Только в них, в логике, в математике, в словесности, он давал каникулы своему разуму, отвергал разум, становился легкомысленным, беспечным, совершенно беспринципным и, как сейчас говорят, отвязным. Веселый задор математика. Как написал Г. Честертон в своей статье, посвященной столетнему юбилею со дня рождения Льюиса Кэрролла, «мыльный пузырь, выпущенный через соломинку поэзии в небо бедным Доджсоном в минуту просветленного безумия, потерял со временем легкость, но сохранил свои мыльные свойства». Мыльный пузырь его поэзии, его нонсенов, каламбуров, парадоксов... Его привольность сохраняла особую строгость и респектабельность. Несообразная сообразность или сообразная несообразность?

Напыщенный и щепетильный священнослужитель, его неукротимые сны, миражи и видения отрицают разум полнее, чем это делают самые неукротимые художники и поэты, не отягощенные ни принципами, ни совестью, ни благородными целями, смешивающие на палитре слова, идеологемы, черные и белые краски, страхи, чувства, общественные нормы, черные и белые квадраты, кубы, клубы дыма, огонь и пепел чувств.

В его поиске нет ничего, кроме нонсенса. В этой бессмыслице нет смысла, кроме самой бессмыслицы. Абстрактная, препарированная бессмыслица. Рабле – более человечен, Свифт – более суров и беспощаден. Доджсон – уникальный изобретатель веселого кошмара. Он живет во сне, параллельном обычной жизни. Раздвоение личности. Но без вмешательства inferнальных сил.

Доктор Джекиль (Стивенсон) с помощью хирургической операции удаляет совесть; Доджсон ампутирует здравый смысл, голову.

Когда королева Виктория прочла книгу «Алиса в стране чудес», она попросила принести ей все книги этого автора. И ей принесли стопку книг по математике.

Англичанин Викторианской эпохи любит Доджсона. Столп общества, солидный джентльмен – цилиндр, портфель, зонтик, бакенбарды – это днем. Ночью в его грудь врывается ветер, взрывает душу и сознание, выбрасывает на улицу, в лунном блеске, раскинув бакенбарды-крылья, летит это абсолютно свободное существо выше крыш, выше труб, зонт превращается в помело, а цилиндр летит сам собой, поглядывая временами, чтобы хозяин не сбился с дороги...

Нонсенс, бессмыслица, забава. Мы любим эти забавы. Поклонников у Льюиса Кэрролла бесчисленное множество. Казалось бы, нельзя заставить человека слушать бессмыслицу. Но мы внимаем Льюису Кэрроллу, который создает дух и атмосферу праздника.

Говорят, что в Англии есть экзаменационные вопросы:

1. Что такое «хрюкотать», «пыряться», «зелюки», «кисельный колодец», «квазичерпаховый суп»?
2. Нарисуйте диаграмму шахматных ходов партии «Зазеркалье».
3. В чем отличие Труляля от Траляля?

Льюис Кэрролл оказал прямое или скрытое влияние на О. Генри, Р. Киплинга, Джеймса Джойса, Ф. Кафку, Фрэнка Баума, Владимира Набокова.

Давайте вместе попробуем вновь ощутить первый, кружащий голову восторг, когда нонсенс только родился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.